

Князь И. М. Долгоруков

Дом Петра I

Н. В. Закревский

**Виталий
КОВАЛИНСКИЙ**

200 лет тому назад — 9(21) июля 1811 г. — на Подоле случился катастрофический пожар. Он вошел в тройку крупнейших в XIX столетии. Два других — пожар 1812 г. в Москве и спустя 30 лет — в немецком Гамбурге.

Точные причины продолжавшегося три дня бедствия не были установлены. По одним свидетельствам, огонь на Подоле показался в первом часу пополудни около Днепра, над двором местного портного. По другим, переданным на пятый день министру полиции в Петербург, «пожар открылся в доме мещанина Антона Овдеенко, который обращается в пьянство и беспокойного нрава. Хотя сей мещанин есть нетрезвого состояния, но поведение его еще не ведет к тому, что пожар открылся в его доме или от небрежности, или злого его умысла». Основанием для такого заключения было то, что «жена сего мещанина — пожилых лет, одобрится в своем поведении, хорошая хозяйка в доме, чадолюбивая мать». Злой умысел отвергался еще и потому, что «после сего ужасного на Подоле зрелища пожар появился 11, 13, 14 и 15 часа на Печерске, один раз — на Старом Киеве». Еще одна версия указывала на детей, игравших с огнем «в избе сапожника возле Днепра» или же в усадьбе купца Ивченко, отданной под постой солдат.

Как бы то ни было, при северо-восточном ветре пламя в течение часа распространилось в плотной деревянной застройке Подола более чем на километр. Этому благоприятствовало все — и двухмечная жара с засухой, которая подготовила дерево к воспламенению от одной искры, и наличие у населения способствовавших огню запасов — масла, сала, водки, пороха и прочего, и, конечно же, деревянное мощение улиц.

К ночи пылающая мостовая на Владимирском спуске угрожала уже городскому театру (ныне на его месте на Европейской площади — Украинский дом). Порывы ветра доносили горячие угли даже

Великий пожар на Подоле

Музей гетманства

до Кловского дворца, где тогда находилась Киевская первая гимназия (с 1981 г. здесь работал Музей истории Киева, выселенный в 2003 г. в никуда для удобств Верховного Суда). Дым днем и зарево ночью были видны за 100 верст от Киева.

Очевидец трагических событий директор гимназии Яков Мышковский (1767—?) докладывал своему начальству — в правление Виленского университета (Вильнюс): «Перед неугасимым огнем не могло устоять никакое каменное здание, ни sklep, ни церковь, хоть и крытые железом и вымощенные; погребца, с железными дверями и рамами, если имели хоть что-нибудь деревянное или самое малое отверстие, выгорели также. В течение 16 часов поглощена необычайным пламенем важная часть Киева, известная под названием Подола. 1176 домов, Духовная Академия с Братским монастырем, Греческий монастырь, Флоровский женский монастырь, 11 церквей каменных и 4 деревянных приходских, обе почты, Магистрат, Контрактный дом и запасы разного дерева и других товаров на берегу сделались добычей огня».

В числе пострадавших церквей были Воскресенская, Николы Прийтиска, Николы Доброго, Николы Набережного, Покровская, Ильинская, Иоанна Предтечи, Рождества Христова, Екатерининская, Васильевская, Преображенская. Свя-

тоховская и другие. Деревянная Крестовоздвиженская церковь постройки 1748 г., находившаяся достаточно далеко от берега Днепра, где начался пожар, сгорела дотла. При ней еще была каменная церковь Архангела Михаила, и о ней городской архитектор Андрей Меленский (1766—1833) в описи указал: «Церковь с каменными сводами, из коих в алтаре свод поврежден, а в настоящей церкви стены и своды прочны, крыша деревянная вся сгорела и иконостас поврежден; при оной церкви деревянная колокольня вся до основания сгорела и колокола растопились».

Историк Николай Закревский (1805—1871) в своем «Описании Киева» рассказал о том, что сам видел вокруг себя: «Двор наш, находившийся тогда на улице, называемой Черная грязь (Флоровская — В.К.), на том месте, где теперь гостиница Флоровского монастыря, был наполнен множеством солдат и чернью в лохмотьях. Эти вандамы казались весьма озабоченными. Мне тогда минуло шесть лет, следовательно, я не мог быть наблюдателем; однако заметил, что эти люди отбивали замки у наших чуланов, выносили в банках варенье и тут же ели, вынимая руками, а посуду в драке разбивали; то же было с напитками; словом, в несколько минут кладовые и погреб совершенно опустели. Потом принахились за вещи. Услужливость их простиралась до того, что у нас ни-

Дом Балабухи

чего не осталось бы, если бы отец мой не успел спасти некоторых вещей. С трудом могли мы пробираться в кривых и узких улицах, загроможденных мебелью, людьми, экипажами. Со всех сторон огонь и дым, шум и крик приводили меня в ужас. Наконец мы достигли Днепровского берега и на Оболони остановились. Тут необъятное множество вещей было в величайшем беспорядке разбросано на песке; люди сушили, некоторые были даже полуодеты; общая горесть царствовала в этом стане разорения; иные горько плакали, смотря на гибель города и буйство пламени, которого вид во время ночи казался еще ужаснее. Почти три дня горело; окрестности Киева с восточной стороны (Козелец на 70, даже Нежин на 150 верст) были покрыты густым дымом. 10 июля Киево-Подол представлял уже смрадную, горящую или дымящуюся развалины. Улиц нельзя было распознать; а тлеющие бревна и вещи в ямах и погребках, засыпанных землей и золой, делали опасной всякую попытку ходить по пожарищу».

Самая лучшая часть Подола сгорела, а небольшая северная сторона за Нижним Валом — улицы Константиновская, Введенская и Волошская — уцелела. Пострадавшие подоляне вынуждены были приютиться в шалашах на Оболони, и среди них жил знаменитый киевский проповедник протоиерей Иван Леванда (1734—1814).

Он писал одной из своих почтенных: «Вы очень помните прекрасный наш Киево-Подол, но теперь его нет. Он уже не существует. 9 июля истребил его страшный пожар, не щадя в нем ничего при засухе, ветре и пламенном вихре. Церкви, монастыри, дома пали в огне и пепле. Повсюду виды ужаса, но зрелище во Флоровском монастыре, после сгоревших до основания келий представившее 30 с лишком тел монахов и послушниц, задохшихся и обгоревших, превосходило другие ужасы». После губительного пожара Подола, по словам Н. Закревского, стал обширным и печальным пожарищем, покрытым пеплом и грудой кирпичей; изредка торчали каменные стены и печные трубы, не успевшие обрушиться. А тут еще в 1812 г. началась Отечественная война. Но несмотря на это, в том же году для Подола был утверждён план будущей застройки, намечены новые кварталы и улицы, определены пострадавшие и суммы компенсаций для них.

Князь Иван Долгоруков (1764—1823), побывавший в Киеве в 1810-м и 1817 г., записал в дневнике об увиденном при втором приезде с холма Андреевской церкви: «Какая очаровательная точка на поверхности! Бесподобный холм, под которым вдруг является взору Днепр во всех своих красивых излучинах, и Подол, особый город, выходящий, так сказать, из самых волн Днепра. Вся эта часть

Киева погорела в 1811 г.; ныне она опять устроена, и пожар способствовал ее украшению. Улицы разбиты гораздо правильнее, дома построены в порядке и по хорошему рисунку; везде промежутки соблюдены в пристойной мере. Нет прежней тесноты, опасность которой доказана была столь пагубным опытом. Глядя на Подол с Андреевской высоты, смотришь точно на план, который раскинут на равнине и кажется вам в рисунке все улицы, закоулки города».

Основой нового Подола стал утверждённый Александром I генеральный план архитектора Вильяма Гесте (1763—1832). Но полностью он не был выполнен. А о «дожарной» застройке сегодня можно судить лишь по дому Петра I на Константиновской, усадьбе Балабухи на углу улиц П. Сагайдачного и Андреевской, по зданию Музея гетманства на Спасской...

Поэт, библиограф и переводчик Василий Анастасевич (1775—1845), окончивший курс Киево-Могилянской академии и издававший в Петербурге журнал «Улей», немедленно в 1811 г. откликнулся на пожар стихотворением и завершил его верой в вечный город Киев:

*Едва всемирное светило,
Свершив свой полудневный бег,
Свой воз палящий обратило
К странам вечерним на ночлег:
Внезапный огонь возник оттоле,
Возник, где первой веры луч,
Разлился пламень на Подоле,
Все дым покрыл — как риза туч.
...Храм Бога ль, прав, наук, жилища,
Куда огонь бег свой ни простер,
Везде лишь видны пепелища,
Щебня и уголья костер.
И ты, о Братская обитель?
Наставница граждан тьмы тем,
Где первый мой руководитель
Пел меня наук путем:
И ты вторично испытала
В течение немногих лет
Урон сокровищ, чем питала
Ум юноше, угас их свет.
...Пожары, глад, сама природа
Сколь крат твой нарушали мир!
Но град тот, где славянска рода
Пал первой слепоты кумир,
Где воссиял луч первой веры;
Где перва Руси дска бытий,
Дел Россов первые примеры,
Сад первый муз, певцов, витий...
Всегда, как феникс, возрождаться
Из праха будет своего,
Доколь всяк жизнью наслаждаться
Готов в обитиях его.*

ФОТОГРАФИИ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ АВТОРОМ